

УДК 821.581

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-26-35

Чжоу Синьюй,*Амурский государственный университет**(г. Благовещенск, Россия),**e-mail: zhouyidian@qq.com**<https://orcid.org/0000-0001-6830-6813>*

Образы хунхузов в литературе Маньчжурии 20–40-х годов XX века (на материале творчества Сяо Цзюня)

Актуальность исследования обусловлена интересом российской и китайской науки к художественному запечатлению процессов, протекающих на территории дальневосточного фронта – Маньчжурии и Дальнего Востока в первой половине XX в. В ситуации политического хаоса, экономического разброда и гражданских войн на этих землях возникло явление хунхузничества, ставшее настоящим бедствием для мирных жителей. Данная проблема весьма детально освещена в литературе дальневосточной эмиграции, исторических, литературоведческих работах. Новизна исследования определена обращением к китайским источникам (научным и литературным), до настоящего времени системно не изученным с точки зрения этнокультурной, этносоциальной и литературной парадигмы. Проблема отражена в сравнительном анализе исторических, социально-политических материалов (словарей, хроник, научных статей) и результатов художественной рецепции явления хунхузничества в творчестве северо-восточных писателей 20–40-х гг. XX в. (на материале творчества Сяо Цзюня). Цель работы – исследование образов хунхузов с точки зрения общественно-политического, этнокультурного запроса формирующегося китайского национального сознания 20–40-х гг. прошлого века, их художественной трактовки Сяо Цзюнем. Основными методами послужили историко-генетический (реконструкция формирования представлений о хунхузах в китайском сознании); культурно-исторический (исследование образов хунхузов в контексте формирования литературы «Левого крыла» и влияния советских образцов); сравнительно-исторический (сопоставление образов хунхузов в литературе 1920–1940-х гг. и их последующей рецепции в китайском общественном сознании); биографический (влияние семейного воспитания и ближайшего окружения автора на его восприятие хунхузничества); переводоведческий (перевод китайских научных работ, словарных статей, исторических документов, романов Сяо Цзюня); метод имманентного анализа. При написании своих романов («Деревня в августе», «Третье поколение») Сяо Цзюнь опирался не только на идеологемы коммунистического движения в Китае, литературные образцы советской героико-романтической прозы о гражданской войне, но и на личный опыт познания хунхузничества. Автор пришёл к выводу о том, что Сяо Цзюнь зафиксировал важные историко-культурные обстоятельства формирования хунхузничества, процессы социальных трансформаций в условиях японской оккупации, роста патриотических настроений на территории Маньчжурии, запечатлел существенные этнокультурные, этнопсихологические, этнорелигиозные детали хунхузского быта, обычаев, своеобразного этоса.

Ключевые слова: хунхузы, Сяо Цзюнь, героико-романтический пафос, антияпонская борьба, национальное самосознание, этнокультурные характеристики

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20-40-х гг. XX в.)».

Zhou Xinyu,*Amur State University**(Blagoveshchensk, Russia),**e-mail: zhouyidian@qq.com**<https://orcid.org/0000-0001-6830-6813>*

Images of the Hunghuz in the Literature of Manchuria in the 1920s–1940s (The Case of Xiao Jun's Works)

The relevance of the study is due to the interest of Russian and Chinese science in artistic capture of the processes taking place on the territory of the Far Eastern frontier – Manchuria and the Far East in the first half of the 20th century. In a situation of political chaos, economic confusion and civil wars in these lands, the phenome-

© Чжоу Синьюй, 2021

non of hunkhuznichestvo arises, which has become a real disaster for civilians. This problem is covered in great detail in the literature of the Far Eastern emigration and historical, literary works. The novelty of the research is determined by the appeal to Chinese sources (scientific and literary), which until now have not been systematically studied from the point of view of the ethnocultural, ethnosocial and literary paradigm. The problem lies in the comparative analysis of historical, socio-political materials (dictionaries, chronicles, scientific articles) and the results of the artistic reception of the phenomenon of hunkhuznichestvo in the works of northeastern writers of the 1920s–1940s. The aim of the work is to study the images of the Hunghuz from the point of view of the socio-political, ethno-cultural request of the emerging Chinese national consciousness of the 1920s–1940s and their artistic interpretation by Xiao Jun. The main methods are historical-genetic (reconstruction of the formation of ideas about Hunghuz in the Chinese mind), cultural-historical (study of images of Hunghuz in the context of the formation of the literature of the “Left Wing” and the influence of Soviet models), comparative-historical (comparison of images of Hunghuz in literature of the 1920–1940 and their subsequent reception in the Chinese public consciousness), biographical (the influence of the family’s upbringing and the author’s inner circle on his perception of hunkhuzism), translation methods (translation of Chinese scientific works, dictionary entries, historical documents, Xiao Jun’s novels) and the method of immanent analysis (in relation to the above-mentioned texts by the author studied). When writing his novels (*Village in August, Third Generation*) Xiao Jun drew not only on the ideologemes of the communist movement in China, literary examples of Soviet heroic-romantic prose about the civil war, but also on his personal experience of knowledge of hunkhuzism. The author comes to the conclusion that Xiao Jun recorded important historical and cultural ethnocultural, ethnopyschological, ethnoreligious details of Hunghuz life, customs, original ethos.

Keywords: hunghuz, Xiao Jun, heroic-romantic pathos, anti-Japanese struggle, national identity, ethnocultural characteristics

Acknowledgment: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research grant No. 20-012-00318 “Images of Russia and China in artistic ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s–1940s)”.

Введение. Проблема хунхузничества и хунхузов с первых десятилетий XX в. исследовалась русскими учёными, писателями, публицистами (П. В. Шкуркиным¹, Н. А. Байковым, чуть позднее Е. Полевым и др.) [1–4; 5, с. 21–58; 6]. В Китае данное этносоциальное явление становится предметом изучения сравнительно недавно – с конца 80-х – середины 90-х гг. прошлого века [7, с. 10; 8]. Поначалу пафос китайских исследований строился на идеологических посылах 50-х – начала 60-х гг., когда с хунхузами, исчерпавшими свой полезно-патриотический потенциал, в Китае было покончено, с социальной карты Северо-Востока они исчезли «как класс». Потому в первых публикациях, появившихся после «культурной революции», хунхузы именовались попросту «бандитами»². Постепенно установки китайских историков изменились, как и пафос, а также прагматика исследований. Наступило время ренессанса китайского национального самосознания, начался процесс романтизации хунхузов как борцов за национальную независимость Северо-Востока Китая [9, с. 66].

В последние десятилетия установилось некоторое равновесие в оценочных сужде-

ниях о хунхузах китайских исследователей, стала учитываться вся сложность исторического, этнокультурного и социально-политического контекста возникновения и бытования явления хунхузничества в конкретный период и на определённых территориях [10, с. 46]. Начало такому подходу было положено новейшей китайской литературой. В послесловии к своему произведению повесть «Посещение гор» (1993) писатель Цзя Пинва отвечает на вопрос, кто и как становился хунхузом: «*Кто-то обладает своенравным характером и хочет действовать в соответствии со своей волей; кто-то покоряется жизненным обстоятельствам; иные мечтают совершать великие подвиги. Эти люди не могут жить обычной жизнью и потому выбирают незаконные дела. Они попадают в опасные, странные ситуации и оставляют после себя много интересных, неправдоподобных и красочных историй*» [11, с. 45]. Китайский сочинитель определил важнейшие факторы обращения человека в хунхуза: исторические условия, личностные качества человека и внешние обстоятельства. Именно к этим сторонам обращено внимание современных китайских историко-политических и историко-культурных исследований хунхузничества [8–10]. При этом до настоящего времени литературные произведения 20–40-х гг. не являлись источником реконструкции хунхузничества с этно-

¹ Шкуркин П. В. Хунхузы: этнографические рассказы. – Харбин, 1924.

² Лю Цзэжун. Большой русско-китайский словарь. – Пекин: Коммерческое изд-во, 1963. – С. 1260. = 刘泽荣. 大俄汉词典. – 北京: 商务印书馆, 1963. – 页. 1260.

культурной, этнопсихологической, этнорелигиозной точки зрения.

Методология и методы исследования. Методология работы строится на сравнительном анализе исторических источников и художественной рецепции явления хунхузничества в творчестве северо-восточных писателей Китая (в первую очередь, Сяо Цзюня). Автор опирается на историко-генетический (исследование истории хунхузничества на Северо-Востоке Китая); культурно-исторический (контент-анализ образов хунхузов в творчестве Сяо Цзюня); сравнительно-исторический (представления о хунхузничестве и хунхузах в фольклорных текстах, в творчестве Лиги левых писателей и китайских учёных конца XX – начала XXI в.); биографический (исследование биографии писателя Сяо Цзюня в контексте исследуемой проблемы); переводоведческий (литературный перевод оригинала романов Сяо Цзюня, его автобиографии, научных исследований китайских учёных). В историко-генетической части исследование опирается на работы Ли Цзикая, Пан Цзэнюя, Цзя Пинва, Чжан Синя и Гао Лэцая [8, с. 175; 9, с. 64–68; 11, с. 60–65; 13; 14, с. 223–227]; в культурно-исторической – на работы Яо Юаня, Лю Юня и Ван Синьжуя [7; 10; 15]; в сравнительно-исторической части – на труды А. А. Забияко, И. А. Дябкина, П. В. Шкуркина¹, Н. А. Байкова, В. Н. Март-Матвеева², Е. Полевого, Д. В. Ершова, Линь Гуаньцзюнь, Н. М. Солнцевой [1–6]; биографическая часть основана на автобиографии Сяо Цзюня и исследованиях Чжэн Юйгуана, Чжоу Чэняня [16, с. 29–34; 17].

Научный инструментарий статьи следует междисциплинарному принципу исследования художественной этнографии, разрабатываемому Центром изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета и базирующемуся на интеграции религиоведческих, этнопсихологических, этнографических, источниковедческих и литературоведческих подходов к художественному тексту. Автор впервые применяет данную парадигму к исследованию текстов китайского писателя Сяо Цзюня.

Результаты исследования и их обобщение. Хунхузничество как массовое яв-

ление зародилось в Северной Маньчжурии в период экономического упадка и политического хаоса [12, с. 75]. В конце династии Цин в 1904 г. на территории Северо-Востока Китая разразилась Русско-японская война, китайские северо-восточные жители оказались без защиты своего правительства, их поселения подвергались полному разорению, люди гибли, страдали от голода и холода. Оказавшись предоставленными самим себе, простые люди вынуждены были братья за оружие, уходить в лес и горы. Некоторое время спустя начались «междоусобные войны милитаристов» (1916–1928) [13, с. 284], закончившиеся внешним объединением Китая под эгидой правительства Гоминьдана [Там же]. Ситуация усугубилась после «изменения флага Северо-Востока» (1928), следствием чего стала японская оккупация Северо-Востока Китая (это событие известно как «18 сентября»), войска Китайской Республики отступили в Шаньхайгуань. Бывшие земли Северной Маньчжурии стали «мёртвой» зоной с точки зрения правового и государственного управления [9, с. 64].

Согласно статистике, до событий «18 сентября» на Северо-Востоке существовало примерно 60 тыс. хунхузов, позднее в хунхузские шайки объединились нескольких сотен тысяч человек [14, с. 224]. После начала японской оккупации Маньчжурии многие из них вступили в войну против японских агрессоров – стихийно участвуя в сражениях либо сотрудничая с правительственными войсками. Общая численность войск, вступивших в антияпонскую кампанию, достигала 300 тыс. чел., хунхузы составляли 20 % от этого числа. Постепенно они превратились в одну из серьёзных угроз для японских агрессоров. Хорошо владея искусством стрельбы, отважно воюя, хунхузы стали действенным резервом КПК (Коммунистической партии Китая) и Северо-Восточной народной антияпонской коалиции. Несмотря на незаконный характер хунхузских формирований, освободительные силы Китая использовали их в своей борьбе: «В тот момент решался вопрос – быть или не быть нашей нации, и хунхузы внесли свой вклад в национальную освободительную войну» [Там же, с. 225].

До создания нового Китая некоторая часть хунхузов успела отказаться от своего прошлого и вступила в армию КПК; некоторые вернулись к нормальной жизни и стали

¹ Шкуркин П. В. Хунхузы: Этнографические рассказы. – Харбин, 1924.

² Март-Матвеев В. Н. Красный плат китайки // Сборник рассказов (с рисунками) / В. Н. Март-Матвеев. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 32 с.

законопослушными гражданами. С 1946 г. армия КПК на Северо-Востоке Китая приступила к уничтожению остальных хунхузских формирований. До конца 1946 г. они были истреблены. После образования КНР официальная идеология не оставила хунхузам шанса быть упомянутыми в героических списках – слишком опасной представлялась организационная сила и воинственный потенциал северо-восточных «благородных» китайских разбойников. Вскоре началась «культурная революция», сама тема хунхузничества стала закрытой на долгие годы.

Однако интеллектуально-художественная рефлексия хунхузничества началась задолго до разрешённых научных исследований – в зарождающейся современной китайской литературе Северной Маньчжурии, в творчестве Дуаньму Хуньяна, Сяо Хун

В творчестве Сяо Цзюня (1907–1988) чьё, настоящее имя Лю Хунлинь (кит. 刘鸿霖), тема хунхузничества имела личный характер. Писатель родился в горной деревне, в западной области провинции Ляонин. Жители отрезанной от большого мира этой деревни, где прошло детство Сяо Цзюня, отличались вольным нравом, но мало ценили образование. Немногочисленные цзюйжэни (кит. 举人 – «кандидат») происходили из богатых семей. Бедняки не могли дать образование своим детям. Смирные сельчане занимались земледелием, кустарничеством или вели мелкую торговлю, более отчаянные шли служить солдатами или становились хунхузами. Последних в деревне почитали как героев. Сяо Цзюнь позднее вспоминал: «Люди считали, что учение бессмысленно. Генерал-губернатор Чжан (Чжан Цзолинь, кит. 张作霖) был неграмотным, но он стал генералом. А образованные люди были у него на посылках. Чжан Цзосян (кит. 张作相, министр Чжан Цзолиня) тоже являлся “героем” в глазах тогдашних северо-восточных жителей. Он родился в окружающем нашу деревню районе, поэтому наши земляки его очень уважали! Все эти герои происходили из хунхузов. Если бы они пошли учиться, смогли бы они стать героями?»¹ Из уст своих старших родственников молодой Сяо Цзюнь слышал героические сказания, восходящие к народному театру либо к литературным

сюжетам. Эти истории сильно впечатляли пылкого юношу².

В юности Сяо Цзюнь много общался со своим двоюродным дядей, утончённым, мечтательным человеком: «Подобно девушке, он дарил другим приятное, тихое, умиротворенное чувство, поэтому люди дали ему прозвище – “Похожий на девушку”» [14, с. 54]. Но дядя имел волевой характер: начав торговцем, становится солдатом, затем по примеру братьев обращается в хунхузничество, отбирая добро у богатых и помогая бедным. Потому о хунхузах Сяо Цзюнь имел возможность узнать от горячо любимого родного человека.

Уйдя из школы, Сяо Цзюнь отправляется в Цзилинь, где в 1925 г. начинает службу кавалеристом. Он изначально не приемлет воинскую муштру прояпонской армии, в 1930 г. жестоко избивает наглого офицера и его увольняют. Отец будущего писателя был неграмотным, но настроенным весьма патриотично. Он постоянно напевал сыну песню о корейском герое Ан Чжунгыне (кит. 安重根), заколовшем японского канцлера Ито Хиробуми на харбинском вокзале в 1909 г. Так Ан Чжунгын стал идолом для Сяо Цзюня³. В 1931 г. после событий «18 сентября» отец вернулся в родную деревню, некоторое время прослужил в добровольческой армии с дядями Сяо Цзюня. В это время Сяо Цзюнь, поехав в уезд Шуланы провинции Цзилинь, организует добровольческий отряд с однополчанами для борьбы с японцами, но терпит поражение, перебирается в Харбин, где начинает редакторскую и писательскую карьеру.

В начале лета 1934 г. с гражданской женой Сяо Хун перебирается в Циндао, продолжая писать свой первый роман «Деревня в августе», начатый в Харбине, тогда же завязывается его переписка с Лу Синем. В конце 1934 г. газету закрывают, Сяо Цзюнь и Сяо Хун сбегают в Шанхай. Там они встречаются с Лу Синем, ставшим впоследствии их духовным наставником⁴.

Сюжет «Деревни в августе» (кит. «八月的乡村», 1935), первого романа Сяо Цзюня, основан на событиях японской оккупации, борьбы партизанского отряда против за-

² Там же. – С. 11–12.

³ Там же. – С. 14.

⁴ Сяо Цзюнь. Моя краткая биография // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1 / Сяо Цзюнь. – Пекин: Хуася, 2008. – С. 25–26. = 萧军. 我的文学生涯简述 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 25–26.

¹ Сяо Цзюнь. Краткое изложение моей литературной карьеры // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1 / Сяо Цзюнь. – Хуася, 2008. – С. 5. = 萧军. 我的文学生涯简述 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 5.

хватчиков и марионеточной китайской армии в уезде Паньши¹. Несомненно, пафос романа «Деревня в августе» и авторская точка зрения на его персонажей имели изначально тенденциозный характер, обусловленный социально-исторической обстановкой, условиями национально-освободительной войны против японских агрессоров, а также идейно-художественным влиянием советской литературы (в частности, творчества А. Фадеева) [15, с. 60; 16, с. 29]. Эти обстоятельства вместе с личными впечатлениями Сяо Цзюня определили образы хунхузов-партизан и их характеры в романе. Так, образ главаря Те Ина (рус. «Железный орёл») Сяо Цзюнь создаёт в духе революционной романтики, используя арсенал фольклорных сравнений и патетических эпитетов: «Высокий и стройный, он стоит прямо, на запястье висят пистолеты, он похож на одинокого орла без крыльев»². Сначала Те Ин работает на семью Чи, идёт в армию, затем становится хунхузом, чтобы отомстить. Позднее вступает в народно-революционную армию и начинает воевать с японскими агрессорами. Во время борьбы с врагами он бездушен и жесток. Как командир он требовательно относится к подчинённым, поэтому люди и дают ему прозвище «Железный орёл». Командир Те Ин хочет стать «железным солдатом», но он не бесчувственный человек. Железный орёл любит своих бойцов. Когда те, раненые, стонут, у Те Ина болит сердце. Он сентиментален: влюбляется в молодую Ли-чи-шень (кит. 李七婶). Когда люди говорят о ней, командира «словно ударяет таинственная сила»³. Но Железный орёл ставит революционную деятельность превыше всего, личные интересы он подчиняет общественным (что чуждо крестьянскому сознанию) [7, с. 24].

Образ героя-командира коррелирует с образами окружающих его бойцов-хунхузов, представляющих различные социальные слои и типы общественного сознания. Например, Тянь Лао-ба (кит. 田老八) – типичный крестьянин-индивидуалист: его «жена слишком молода, дети ещё малыши», поз-

¹ Лу Синь. Деревня в августе. Предисловие // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1 / Сяо Цзюнь. – Пекин: Хуася, 2008. – С. 32. = 萧军. 我的文学生涯简述 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 32.

² Сяо Цзюнь. Деревня в августе / пер. Чжоу Синьюй // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1 / Сяо Цзюнь. – Пекин: Хуася, 2008. – С. 56. = 萧军. 八月的乡村 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 56.

³ Там же. – С. 71.

тому он не хочет вступать в революционную армию. Тан Лао-гада (кит. 唐老疙瘩), жалея возлюбленную, сдаёт оружие и уходит из революционного отряда: «Уговоры командира Те Ин – словно дуновение ветра на камень, нет никакого ответа»⁴.

Командир-интеллигент Сяо Мин (кит. 萧明) часто колеблется. Узнав о смерти старика Цуй Чаншена и жестокой кровавой схватке, Сяо Мин грустит – в этом Сяо Цзюнь воплощает свои представления о типичном сознании «интеллигента»: «Сяо Мин дружески стискивает руки командира Те Ина, они не отдают честь друг другу. Тут он нечаянно видит, что на босых ногах солдат появляются следы крови. Он безмолвно вздыхает: “Вот это – победа?”»⁵ Сяо Мин переживает из-за любви к корейской девушке Ан Ной. Он хочет сражаться за национальные интересы, но не хочет отказываться от личного чувства.

На первый взгляд, Сяо Цзюнь наделяет Те Ина грубыми чертами, но при этом показывает читателю процесс психологической трансформации его из хунхуза в героя. Своим самоотречением и мужеством Те Ин вызывает всеобщее восхищение бойцов анти-японского партизанского отряда (хунхузов, крестьян, солдат старой армии и интеллигентов).

В романе «Третье поколение» (кит. «第三代», 1935–1950) в образах хунхузов разных поколений воплощены типы бунтарей против существующих порядков, несущих в своём сознании архетипические установки китайской ментальности. Благодаря этому читатели могут понять взгляды писателя и его личное восприятие хунхузничества как социально-политического и этнокультурного явления. Например, образ Хай Цзяо, легендарного атамана хунхузов «старого поколения», на горе Янцзяо (кит. 羊角 – «бараний рог») воплощает в себе архетип «мудрого старца», укоренённый в китайской культуре: «Голос старика похож на голос медных колокольчиков, которые держатся на карнизах храма и колыхаются по ветру; тело посажено прямо...»⁶. Хотя раньше Ван-да-бянь-цзы не встречал Хай Цзяо, он часто слышал о нём. В представлении Ван-да-бянь-цзы Хай

⁴ Там же. – С. 89.

⁵ Там же. – С. 62.

⁶ Сяо Цзюнь. Третье поколение // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 2 / Сяо Цзюнь. – Пекин: Хуася, 2008. – С. 40. = 萧军. 第三代 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 40.

Цзяо сродни дьяволу, который не остановится перед убийством и грабежом. Хай Цзяо – потомственный хунхуз, но он не стыдится своего происхождения, наоборот, гордится им. В его репликах по поводу причин, приведших к хунхузничеству, отражена одна из базовых китайских этнорелигиозных установок – идея Пути: *«Предначертано судьбою, что я займусь этим делом в этой жизни. <...> У меня только этот путь – бреду до конца и всё недолго»*¹.

В галерее образов хунхузов наиболее привлекателен Бань-цзе-та (кит. 半截塔 – «половинка башни»). С детства Бань-цзе-та следовал за Хай Цзяо, у них глубокая душевная связь. Когда Бань-цзе-та был молод, он пережил много жестоких и кровавых событий, видел много смертей. Суровые испытания сформировали его холодный, дерзкий нрав. Но такой «железный» хунхуз, покидая поле боя, обнаруживает в себе заложенные установки китайского этнического сознания – культ семьи и отношение к жене и детям: *«Почему я хочу иметь семью? Лишь проснусь, понимаю, что мне надо иметь свою семью! ...Жене не нужно быть красивой, если она мне родит нескольких детей и будет заботиться обо мне... чёрт, ни одного волоса на её голове я не трону во всю свою жизнь»*². Хай Цзяо уговаривает его закалять свою веру: *«Хунхузы должны быть подобны волкам, а не собакам»*. Но *«как змея, мечта о семье обвила его тело и упрямо срослась с его плотью и вошла в его кровь»*³. Он может снисходительно относиться к людям, не хочет верить в их жестокость. Потому Бань-цзе-та и становится жертвой предателя Ян Саня.

В романе «Третье поколение» Сяо Цзюнь вводит образ молодого хунхуза Лю Юаня. Прошлого героя отражает сложные и необычные обстоятельства его обращения в хунхузы, он вынужденно становится «бандитом». Как и Сяо Цзюнь, Лю Юань родом из горной деревни западного района провинции Ляонин, в нём ещё живы прежние привычки. Он интересуется направлением ветра и дождями, весенним севом и осенней уборкой урожая. Среди ночи он хлопочет, чтобы накормить скот. Как один из героев

легендарного романа «Речные заводы», Лю Юань становится хунхузом из-за карточного долга. Ему 18–19 лет, он молод и энергичен, при этом страстно любит азартные игры и проигрывает много денег. Его отец приходит в ярость и хочет закопать сына живым в землю (типичное наказание в Северной Маньчжурии). Лю Юань сбегает в горы и примыкает к Хай Цзяо. В образе этого «негероического» персонажа Сяо Цзюнь запечатлел этнопсихологическую характеристику китайцев – их страсть к игре и азартность с одной стороны и жестокость – с другой.

Сначала Лю Юань становится хунхузом на горе Янцзяо, а когда его банда распадается, он не колеблясь отправляется в другую банду на горе Лан-да-гунь (кит. 狼打滚 – «волки кувыркаются») и остаётся хунхузничать там. Впоследствии он, раненый, тайком возвращается в свою деревню, Лю Юань не сдаётся правительственным войскам. Атаман банды Хай Цзяо любит его, хотя и втайне, высоко ценит его. После смерти Хай Цзяо Лю Юань становится Эр-дан-цзя (кит. 二当家 – «помощник атамана»), спустя время занимает и атаманское место.

Образ Лю Юаня весьма противоречив: он обладает твёрдой волей, но, оказавшись в сложном положении, иногда ведёт себя нерешительно. Как крестьянин, он имеет простой и добросердечный характер, но одновременно чрезмерно дорожит чувством справедливости, этим он похож на некоторых лидеров крестьянских восстаний в феодалную эпоху. Например, хотя Ян Сань перешёл на сторону правительственных войск, Лю Юань продолжает общаться с ним. Когда Ян Сань в первый раз спустился с гор, чтобы сдаться правительственным войскам, Лю Юань подстрелил его, но потом отпустил. В результате Ян Сань приводит правительственные войска уничтожить хунхузов. В конце романа Лю Юань перестаёт быть хунхузом и уезжает из отряда сначала в Чанчунь, потом – в Харбин.

Сяо Цзюнь передаёт в своих текстах все насущные социально-политические проблемы, волнующие прогрессивно мыслящих писателей того времени. Одной из них стала проблема освобождения женщины из-под векового гнёта. Настоящим открытием «Третьего поколения» становится образ женщины-хунхузки Цуй Пин (кит. 翠屏). Этот образ обогащает галерею традиционных образов разбойников и всесторонне

¹ Сяо Цзюнь. Третье поколение // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 2 / Сяо Цзюнь. – Пекин: Хуася, 2008. – С. 45. = 萧军. 第三代 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页 45.

² Там же. – С. 15.

³ Там же. – С. 130.

освещает жизнь и внутренний мир хунхузов. Единственная в отряде женщина-хунхузка трудолюбива, решительна и воинственна. Автор сравнивает её с крепким маленьким деревом. Характер Цуй Пин Сяо Цзюнь противопоставляет характеру её мужа Ван-да-бянь-цзы.

Цуй Пин – женщина и мать, она сварлива и в то же время нежно-заботлива. Ван-да-бянь-цзы характеризует свою жену словами: «Женщина с лезвием ножа и жалом пчелы»¹. Цуй Пин находит силы противиться притеснению, она непокорна, как все жители Северо-Востока Китая. Когда её мужа ловят, она не плачет и ни о чём не просит, а отчаянно ругает помещика и мстительно угрожает ему: «...ничего! Если даже мой муж умрёт... Я, женщина, не смогу одолеть тебя... Но у нас есть дети, у тебя тоже они есть... Когда ты умрёшь, они вырастут и всё-таки мы рассчитаемся с вами!»² Когда начальник полиции Дуань обижает её, Цуй Пин не терпит, она берёт кинжал и готовится умереть. После ареста мужа она поднимается на гору Ян-цзяо и становится хунхузкой. Но в отряде она сохраняет черты крестьянки, привыкшей к труду, не ленится, помогает членам банды штопать одежду. В банде она заслуживает доверие других, потому ей поручают заведовать складом и счётной конторой. Кроме того, она становится отличным стрелком.

С одной стороны, Цуй Пин – типичная женщина горного района запада провинции Ляонин. С другой, это яркий образ женщины-хунхуза. Она стойко переносит трудности, не страшится бед, не терпит обид, упорно продолжает жить, несмотря на давление общества, ищет свой путь. Образ Цуй Пин должен был доказать, что женщины Северо-Востока к 30-м гг. XX в. уже были готовы к тому, чтобы взять судьбу в свои руки и встать на путь борьбы.

В своих романах Сяо Цзюнь показывает быт хунхузов с разных сторон – социальной, батальной, бытовой, гендерной, этической, – опираясь на фольклорную традицию изображения разбойников как народных заступников. В романе «Третье поколение» поведение Бань-цзе-та демонстрирует «уставы гильдии» и основную идею «верно-

сти»: когда отец и дядя организовали банду, они установили правило – никогда не обижать женщин. Позже, когда Ван-да-бянь-цзы попадает в тюрьму, Цуй Пин вынужденно поднялась на гору и примкнула к банде. В шайке хунхузов, мире холостяков, она – единственная женщина, но ей оказывают уважение и почёт. Она общается и смеётся с мужчинами-хунхузами, но в этом нет ни сколько фривольности.

Многие хунхузы, например Лю Юань, происходят из крестьян, поэтому они поддерживают хорошие отношения с крестьянами. В романе «Деревня в августе» капитан Те Ин казнит только агрессоров, помещиков и офицеров марионеточных войск, но при этом благородно обращается с пленными. Поэтому солдаты марионеточных войск раз за разом покорно отдают капитану Те Ин боеприпасы и провиант, большинство пленных по собственной инициативе даже вступают в добровольческую армию.

Сяо Цзюнь широко использует метод сравнительных характеристик: во-первых, он сравнивает отношение хунхузов к крестьянам и к местной власти, помещикам. В его изображении хунхузы обычно гуманно и справедливо обращаются с простыми крестьянами. Но по мнению местных чиновников и помещиков, хунхузы являются жестокими бандитами. Это сравнение помогает понять, что хунхузы борются с социальной несправедливостью, они живут на границе общества, штурмуя оплоты неравенства. Во-вторых, Сяо Цзюнь сопоставляет хунхузов с представителями правительственных войск. Раньше в народе говорили: «Бандиты приходят как гребёнка, бойцы приходят как колосник, чиновники приходят как бритва». В произведениях Сяо Цзюня эта поговорка является реализованной метафорой. В обществе того времени угнетение, эксплуатация местными властями крестьян и грабежи правительственных войск считались несравненно страшнее, нежели грабежи хунхузов.

В романе «Третье поколение» простые крестьяне ненавидят помещиков и правительственные войска больше, чем хунхузов. Иногда действия хунхузов приносят пользу простым крестьянам. Если кто-то подвергается гонению, то он смотрит на шайку хунхузов на горе Янцзяо как на своё прибежище. Когда местная власть приказывает истреблять хунхузов, крестьяне исполняют приказы неохотно, имитируя деятельность.

¹ Сяо Цзюнь. Третье поколение // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 3 / Сяо Цзюнь. – Пекин: Хуася, 2008. – С. 130. = 萧军. 第三代 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 130.

² Там же. – С. 63.

Некоторые из них, такие как Цзин Лунцюань, открыто противятся приказу, мысленно они уже на стороне хунхузов. Когда Лю Юань ранили, Цзин Лунцюань послал свою дочь привести его в их дом и помог вылечить его. Дочь Цзин Лунцюаня влюбляется в хунхуза Лю Юаня. Сяо Цзюнь видит в хунхузах не просто разбойников, грабителей, а в первую очередь людей, кого жизненные обстоятельства заставили встать на этот путь.

Заключение. Хунхузничество – сложное историческое, этносоциальное и этнокультурное явление, до сих пор вызывающее дискуссии и разночтения в научных и политических кругах. Первыми данное явление зафиксировали русские исследователи и писатели-этнографы (П. В. Шкуркин¹, Н. А. Байков [1], В. Март² и др.). В художественном творчестве политических ориентированных китайских писателей левого крыла при описании хунхузов и их быта, этноса, обычаев историческая достоверность во многом уступает место социально-политической ангажированности. Через образы хунхузов представители Лиги левых писателей попытались выразить собственную позицию по узловым моментам истории, отразить революционное сознание китайцев, ответить на запрос нового социального заказа.

Тем не менее проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов об исторической, этнокультурной, этнопсихологической достоверности образов хунхузов, созданных Сяо Цзюнем. Писатель

знал хунхузничество изнутри, органично впитав народную трактовку этих образов. Хунхузы Сяо Цзюня в полной мере вместили бунтарский дух и душевное благородство, воспетые в китайских фольклорных сказаниях о народных заступниках. При этом, несмотря на романтизацию и героизацию их автором, характеры хунхузских персонажей воплотили сформированные суровыми условиями и присущие жителям Северо-Востока Китая витальность и пассионарность, их способность к сопротивлению обстоятельствам, социальному гнѐту. Сквозь призму сознания своих героев Сяо Цзюнь зафиксировал важнейшие этнокультурные приметы быта населения Северо-Востока той поры в его противостоянии японским оккупантам. Предложенный в данной работе подход к творчеству Сяо Цзюня выводит исследование творчества писателя за рамки социально-идеологических трактовок его творчества, вписывая его произведения в своеобразный «китайский текст» художественной этнографии Северной Маньчжурии 20–40-х гг. XX в. Дальнейшие перспективы развития данной темы видятся в сопоставлении образной парадигмы хунхузов в творчестве плеяды китайских писателей «литературы перехода в Гуаньдун» 20–40-х гг. XX в. (Дуаньму Хунляна, Сяо Хун, Шу Чюня и др.), а также в сравнительном анализе русской и китайской трактовки этих образов в литературе Северной Маньчжурии лет.

Список литературы

1. Байков Н. В горах и лесах Маньчжурии. Петроград: Тип. Д. П. Вейсбрут, 1914.
2. Полевой Е. По ту сторону китайской границы: Белый Харбин. М.: Государственное издательство, 1930. 87 с.
3. Ершов Д. В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М.: Центрполиграф, 2009. 280 с.
4. Забияко А. А., Дябкин И. А. Образ разбойника в контексте «фронтирной мифологии» дальневосточной эмиграции // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях / под ред. Б. А. Дорошина. Прага; Пенза: Социосфера, 2011. С. 170–182.
5. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2016. 437 с.
6. Линь Гуаньцюнь, Солнцева Н. М. Хунхуз в литературной рецепции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Литературоведение. Журналистика». 2020. Т. 25, вып. 1. С. 82–90. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-1-82-90.
7. Яо Юань. Культура хунхузов в произведениях Сяо Цзюня. Чанчунь: Цзилиньский университет, 2011. 49 с. @@ 姚远. 萧军作品中的胡子文化. 长春: 吉林大学, 2011.
8. Ли Цзикай. Романы района Цинь и культура «три Циня». Пекин: Коммерческое издательство, 2013. @@ 李继凯. 秦地小说和“三秦文化”. 北京: 商务印书馆, 2013.

¹ Шкуркин П. В. Хунхузы: этнографические рассказы. – Харбин, 1924.

² Март-Матвеев В. Н. Красный плат китайки // Сборник рассказов (с рисунками) / В. Н. Март-Матвеев. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.

9. Пан Цзэнюй. Образы хунхузов и их культурная и эстетическая ценность в произведениях северо-восточных писателей в 30-гг. // *Драматическая литература*. Чанчунь: Цзилиньская академия художеств, 1995. @@ 逢增煜. 三十年代东北作家创作中的胡子形象及其文化和审美价值 // *戏剧文学杂志*. 长春: 吉林省艺术研究院, 1995.

10. Лю Юнь. Изучение сознания «бандита» в китайской литературе. Цзинань: Цзинаньский университет, 2016. 83 с. @@ 刘云. 中国文学中的“土匪”意识研究. 济南: 暨南大学, 2016.

11. Цзя Пинва. Посещение гор. Ханчжоу: Чжэцзянское художественное издательство, 1993. @@ 贾平凹. 游山. 杭州: 浙江文艺出版社, 1993.

12. Пан Цзэнюй. «Разгром», «Железный поток» и творчество северо-восточных писателей // *Вестник Северо-Восточного педагогического университета*. Чанчунь, 1991. Вып. 1. @@ 逢增煜. «毁灭», «铁流»与东北作家群创作 // *东北师大学报*. 长春, 1991年第1期.

13. Чжан Синь. Олигархическая политика и общество периода Китайской Республики. Шанхай: Педагогический университет Восточного Китая, 2005. 313 с. @@ 张欣. 军阀政治和民国社会. 上海: 华东师范大学, 2005.

14. Гао Лэцай. История антияпонской деятельности северо-восточных хунхузов после событий «18 сентября» // *История и культура Северо-Востока*. Чанчунь, 1992. Вып. 4. @@ 高乐才. 九一八事变后东北土匪抗日述略 // *东北历史与文化杂志*. 长春, 1992年第四期.

15. Ван Синьжуй. Изучение литературы движения «Переход в Гуандун». Чанчунь: Цзилиньский университет, 2016. @@ 王欣睿, “闯关东”文学研究. 长春: 吉林大学, 2016.

16. Чжоу Чэнянь. Фадеев и Китай // *Обучение иностранной литературы*. Чунцин: Сычуаньский университет иностранных языков, 1986. Вып. 4. @@ 周成堰. 法捷耶夫和中国 // *四川外国语大学*. 重庆, 1986年第四期.

17. Чжэн Юйгуан. Сяо Цзюнь и «Деревня в августе» // *Изучение материалов*. Гуанчжоу: Отдел исследований истории партии гуандунского провинциального парткома, 1995. Вып. 4. @@ 郑豫广. 萧军与《八月的乡村》 // *文献研究*. 广州: 广东省委党史研究室, 1995年第四期.

Статья поступила в редакцию 05.08.2021; принята к публикации 10.09.2021

Сведения об авторе

Чжоу Синьюй, аспирант, Амурский государственный университет; 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; e-mail: zhouyidian@qq.com; <https://orcid.org/0000-0001-6830-6813>.

Для цитирования:

Чжоу Синьюй. Образы хунхузов в литературе Маньчжурии 20-40-х годов XX века (на материале творчества Сяо Цзюня) // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 4. С. 26–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-26-35.

References

1. Baikov, N. In the mountains and forests of Manchuria. Petrograd: Tipografiya D. P. Veisbrut, 1914. (In Rus.)
2. Polevoy, E. Beyond the Chinese Border: White Harbin. M: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930. (In Rus.)
3. Ershov, D. V. Hunghui: undeclared war. Ethnic banditry in the Far East. M: Centropoligraf, 2009. (In Rus.)
4. Zabiako, A. A., Dyabkin, I. A. The image of the robber in the context of the “frontier mythology” of the Far Eastern emigration. Ed. by Doroshin B. A. Symbolic and archetypal in culture and social relations. Penza-Praga: Nauchno-izdatel'skiy centr “Sociosfera”, 2011: 170–182. (In Rus.)
5. Zabijako, A. A. The mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin. Novosibirsk: SO RAN, 2016. (In Rus.)
6. Lin', Guan'cyun', Solntseva, N. M. Hunghuz in literary reception. Bulletin of RUDN. Ser.: Literary criticism. Journalism, no. 1, pp. 82–90, 2020. (In Rus.)
7. Yao, Yuan'. Hunghuz culture in the works of Xiao Jun. CHanchun': Czilin'skiy universitet, 2011. (In Chinese)
8. Li, Czikai. Novels of the Qin District and the Three Qin Culture. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2013. (In Chinese)
9. Pan, Czenyui. Images of Hunghuz and their cultural and aesthetic value in the works of northeastern writers in the 1930s. In *Dramatic literature*. CHanchun': Czilin'skaya akademiya hudozhestv, 1995. (In Chinese)
10. Lyu, Yun'. Studying the consciousness of the “bandit” in Chinese literature. Czinan': Czinan'skiy universitet, 2016. (In Chinese)

11. Czya, Pinva. Visiting the mountains. Hanchzhou: Chzheczyanskoe hudozhestvennoe izdatel'stvo, 1993. (In Chinese)
12. Pan, Czenyui. "Defeat", "Iron Stream" and the work of northeastern writers. Bulletin of the Northeastern Pedagogical University, no. 1, 1991. (In Chinese)
13. Chzhan, Sin'. Oligarchic politics and society during the period of the Republic of China. Shanghai: Pedagogicheskii universitet vostochnogo Kitaya, 2005. (In Chinese)
14. Gao, Lecai. History of anti-Japanese activities of the northeastern Hunghuz after the events of "September 18". History and culture of the northeast, no. 4, 1992. (In Chinese)
15. Van, Sin'zhui. Study of the Literature of the Transition to Guangdong Movement. Chanchun': Czilin'skiy universitet, 2016. (In Chinese)
16. Chzhou, Chenyan'. Fadeev and China. Teaching foreign literature, no. 4, 1986. (In Chinese)
17. Chzhen, Yuiguan. Xiao Jun and *Village in August*. Study of materials, no. 4, 1995. (In Chinese)

Received: August 5, 2021; accepted for publication September 10, 2021

Information about author

Zhou Xinyu, Postgraduate Student, Amur State University; 21 Ignatievskoe sh., Blagoveshchensk, Russia, 675027; e-mail: zhoyidian@qq.com; <https://orcid.org/0000-0001-6830-6813>.

For citation: _____

Zhou Xinyu. Images of the Hunghuz in the Literature of Manchuria in the 1920s-1940s (The Case of Xiao Jun's Works) // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 26–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-26-35.
